

Все любят поней

Пару раз ударившись в грязное стекло, муха нашла отверстие и залетела внутрь. Внутри было темно и вкусно пахло. Немного покружив, муха определила источник манящего сладкого запаха и полетела к нему.

Гибкое черное щупальце выстрелило со скоростью молнии, поймав муху на присоски на пределе досягаемости. Отправив ее в ротовое отверстие на основном теле, щупальце съежилось обратно и расслабилось. Не стоило отвлекать организм от переваривания лишними движениями.

Я убрал свое внимание из Третьего и вопреки здравому смыслу раздраженно дернулся. Ну что за день. Мало мне было растущего с утра нового чувства, тянучего и гнетущего, так еще и за весь день никого не поймал. Вон, Третий уже дважды отличился, хотя ведь мается тем же, чем мы все. Но ему легко, он тоньше, гибче, и длиннее меня. Зато и слабее, подумал я, задумчиво вырастив и снова втянув присоски. Может Третий, к примеру, поднять нас в одиночку? А я вот могу!

Я запоздало отметил, что никто не удосужился закрыть отверстие запаха. Странно. Сделав это сам, я по очереди заглянул в других.

Даа, ситуация. Все, кроме Третьего - тому было просто лень - и думать не могли ни о чем другом, кроме продолжения рода. Чертовы циклы. Это был наш второй, но первый крепко запомнился своими мучениями. Мы были неопытны, и пытались спариться со всем подряд, с чем могли справиться. Пятый даже, как щас помню, несколько раз тыкался во что-то неживое. Мыслительных клеток ему всегда основательно недоставало. Первый, самый крупный, убил тогда несколько мелких созданий в попытках вститься. Это было досадно - мертвые не могли продолжить род, и большинство из них были непригодны нам в пищу.

К счастью, довольно быстро мы нашли одинокую самку четвероногого создания, из тех, что редко встречались у нас в лесу. Оно хоть и сопротивлялось поначалу, но подошло идеально, и по размеру, и по плодоносным качествам. Разве что Первый был недоволен - от него созданию было больно, и оно сопротивлялось особенно сильно. Но все закончилось хорошо. Мы знали, что теперь где-то в том лесу были наши дети.

И вот цикл повторяется. В этот раз он обещал быть гораздо более легким - уже несколько недель подряд о нас заботилась и кормила другая самка того же вида. Она явно любила нас, любила играть с нами и гладить нас, и мы любили ее.

Наш глаз дернулся и сузил зрачок, когда на него упал луч света из открытой двери. Я всполошился - мы все всполошились - потому что знал, что это означает. Направив внимание в глаз, я убедился, что пришла она.

Встретив мой взгляд, она улыбнулась мне и издала несколько звуков. Мы не понимал звуки, но чувствовал ее настрой. Она была полна пузырящейся энергией жизни и радости, несмотря на сильную физическую усталость. Мне хотелось попробовать эту энергию на ощупь. Помимо этого, я уловил в ней легкое удовлетворение от проделанной работы, а также нежность в мою сторону.

Она прошла к койке в углу и легла, бросив на пол принесенный набитый мешок. Шумно выдохнув и полежав секунду без движения, она привстала на локте и начала рыться в мешке. Достав свежую рыбину, она поманила меня конечностью и издала еще несколько звуков.

Мы подполз поближе и обхватил угощение. Рыба была хорошей, вкусной, как мы любим, но сейчас нас еда не интересовала вообще. Проглотив целиком, не думая, мы подполз еще чуть ближе. Она улыбнулась и погладила Второго. Мы все почувствовали как тот напрягся, сдерживаясь.

Еще рано.

Она издала еще несколько звуков и перевернулась. Лежа на животе, она похлопала передней ногой себя в районе лопаток. Мы знал что это значит.

Третий вытянулся и аккуратно, нежно дотронулся до ее спины, вырастив максимальное количество осязательных волосков. За ним тоже самое сделал Второй; вместе они начали водить по ее телу вверх-вниз, ощутимо надавливая. Переключив в них внимание, я почувствовал щекотку шерстки, жар кожи и напряженные мышцы под ними. Впрочем, с первых же движений они начали расслабляться.

Мы услышал ее долгий тихий стон и почувствовал волну удовольствия.

Но в этот раз мы старался не только ради нее. Не спеша, дюйм за дюймом, Второй и Третий спускались ниже и ниже по ее телу с каждым заходом.

Теперь они работали не только со спиной, но и с задними ногами. Присоединился Шестой, массируя отдельно шею и плечи. Она тихо сопела в полудреме, излучая умиротворение.

Подключились Первый и Пятый. Разделив свои толстые тела на множество тоненьких коротких отростков, они занялись хвостом и гривой, старательно расчесывая по всей

длине. Волосы были немного грязными и спутанными, но мы их очищали, возвращая к первоначальному состоянию нежного шелка.

Она млела под нашим коллективным прикосновением, растекаясь словно податливое тесто.

Мое окончание набухло, блестя каплями теплой смазки. Мы почти не могли больше ждать.

Второй и Третий на протяжении минуты мягкими направленными движениями по чуть-чуть раздвигали ее задние ноги, наверняка незаметно для нее самой. Теперь они плавно переключились на массаж внутренней стороны бедер, не доходя до запретной зоны считанные сантиметры.

Решив, что момент настал, Первый разделился сильнее, и использовал часть своих отростков чтобы держать ее хвост повыше, открывая доступ к промежности. Другой частью он начал исследовать желанную нам область.

Первый отросток быстро обвил собой основание хвоста, крепко сжав. Второй отросток, самый тоненький, немного проникнул в тугое колечко под хвостом и укоренился внутри. Остальные, непрерывно извиваясь по ее теплой коже от предвкушения, ощупали всю зону разом, прежде чем остановиться на заветной щели. Отрастив мягкие присоски, они ухватились за нежные складки и резко развели их в стороны. Нашему взгляду открылось беззащитное розовое лоно.

Все это заняло не больше секунды. Она перестала сопеть и слегка напряглась. Инстинктивно дернулся хвост в попытках прикрыться, но Первый держал крепко. От нее исходили волны замешательства. Приподнявшись над койкой, она издала удивленные звуки. Возможно, она думала что мы сделали это случайно - раньше мы никогда не позволял себе подобного.

Не давая ей времени среагировать, я кинулся вперед и с силой провел плоским, влажным окончанием снизу вверх, весь путь от маленькой розовой кнопочки и до хвоста. Шерстка ее промежности моментально потемнела от нашей обильной влаги. Она осеклась и вздрогнула, словно от удара током. На вкус она была сладкой и терпкой.

Я надеялся уловить возбуждение, но вместо этого я почувствовал легкую волну липкого страха. Она нас не хотела. Это было печально, но несущественно.

Привстав на локте, она потянулась копытом к Первому, все острее осознавая происходящее. Но я снова не дал ей времени. Быстро нащупав среди атласной розовой плоти нужное отверстие, я рванулся вперед, с одного удара загоняя свое окончание до упора. Я выделял столько горячей смазки, что часть ее выплеснулась при толчке, забрызгивая все вокруг. Отрастив сотни маленьких присосок, я закрепился внутри.

Она вскрикнула от боли и неожиданности когда я проник в нее. На ее глазах выступили слезы. Резко перевернувшись и сев, все еще со мной и Первым на ней, она схватила меня копытами и дернула наружу. Но присоски держали крепко, и в результате она лишь доставила больше боли себе. Это ее не остановило - извиваясь настолько, что упала с койки, она с криками пыталась меня вытащить. Я чувствовал сильные пульсирующие волны излучаемого ею ужаса.

Подождав, пока она в слепой панике израсходует зря силы, остальные накнулись на нее. Первый и Второй обвилились вокруг ее задних ног, вытянув их, раздвинув, и прижав к полу. Третий и Шестой так же зафиксировали передние, растянув ее звездочкой на полу, лицом вниз. Пятый, замешкавшись, наконец решил схватиться за хвост, с силой натянув и его. Резкий рывок вызвал еще один отчаянный вскрик.

Впрочем, я мало участвовал во всем этом. Сосредоточив все внимание на собственном окончании, я изучал ее изнутри. Мягкие, влажные как от моей, так и от ее собственной смазки стены конвульсивно сжимали меня со всех сторон каждый раз, как она напрягалась, словно пытаясь выдавить незваного гостя. Я увеличился в размерах, растягивая ее изнутри почти до предела, и отрастил сотни чувствительных выпуклостей, наслаждаясь ощущениями. Выделяемая мной в нездоровых количествах смазка с трудом находила путь наружу, и смешиваясь с ее соками, натекала в лужу под нами. Я с сожалением отметил примеси капель красного - я вошел слишком резко.

Не забывая об основной задаче, я начал отращивать тонкий щуп на самом своем конце. Ее лоно заканчивалось уже здесь, но мне было нужно глубже. Нащупав маленькое отверстие, я надавил. Я давил сильнее и сильнее, извивая скользкий щуп, до тех пор пока плоть не поддалась и я не проник в шейку матки. Разделив щуп на десятки тончайших осязательных усиков, я массировал матку изнутри, ощупывая и изучая. Именно в этот момент я чувствовал, как снаружи она отчаянно пыталась меня вытащить, напуганная чуждыми ощущениями.

Убедившись, что она подходила для продолжения рода, я втянул щуп, уловив слабое облегчение. Почувствовав, что теперь она зафиксирована, я убрал и присоски. Затем я медленно начал вытаскивать себя, миллиметр за миллиметром, проворачиваясь, вибрируя и мелко извиваясь по пути. Я сделал выпуклости больше и тверже - я хотел чтобы она тоже это чувствовала. Сверху я ощущал дополнительное давление на себя - это Первый запустил ей под хвост еще несколько отростков и нежно массировал внутреннюю стенку с другой стороны. Я заметил, что один из его отростков полностью обхватил ее набухший клитор присоской, а другой, немногим толще волоска, проник в уретру. Остальные его отростки слились в плотную, непроницаемую массу, присосавшуюся ко всей промежности от бедер и до основания хвоста включительно. Переключив в него внимание, я заметил что он покрывал и нижнюю часть ее живота, прикрепившись к сосочкам. Весь Первый мелко, но сильно вибрировал, уделяя внимание

тому, чтобы посылать особо сильные вибрации на отростки внутри нее.

Она издала долгий, полный удовольствия стон сквозь зубы. Я чувствовал, как сквозь ужас и отвращение начинает пробиваться возбуждение. С момента моего проникновения прошло не больше полминуты, а она уже была готова сдаться. Мощная одновременная стимуляция сразу всех эрогенных зон оказалась невыносимой. Я чувствовал, как плоть вокруг меня конвульсивно сокращалась. Она сдерживалась, но была близка к оргазму. Остальные уже отпустили ее конечности, и водили влажными окончаниями по всему остальному ее телу. Получив относительную свободу, она сначала попыталась подняться, и это ей удалось. Но затем передние ноги ее подвели, и она, не сдержав еще один стон, упала грудью на пол, выпятив круп. Ее задние ноги дрожали и тоже подогнулись бы, если бы не поддержка от меня и Первого.

Какой-то частью она все еще пыталась вырваться, слабо скребя передними копытами по полу и пытаясь отползти, стиснув зубы. Но силы покидали ее стремительно, и я знал что скоро она будет не в состоянии сопротивляться совсем. Вытащив себя так, чтобы только самый кончик остался внутри, я приготовился снова войти на всю глубину. Затем я планировал начать двигаться в постоянном темпе, доставляя удовольствие и нам, и ей, и наконец, затем я должен был выпустить свое семя, выполняя свою биологическую задачу.

Прежде чем я успел начать запланированное, в мгновение ока все изменилось.

Ее как будто подменили. Все следы слабости, возбуждения и страха моментально исчезли, словно их никогда и не было. С новообретенными силами она одним прыжком вскочила на все четыре. Теперь я чувствовал ее ярость, ее жажду крови, но острее всего, я чувствовал исходящую от нее опасность. Все, кроме меня и Первого, инстинктивно отпрянули. Я с запозданием почувствовал собственный страх, но прежде чем я из нее вышел, она неведомым образом извернулась и лягнула меня задней ногой с такой силой, что я отлетел на метр. Затем она резким прыжком рванулась назад, впечатывая Первого в стену. От удара тот потерял сознание и обмяк. Сев спиной к стене, она ухватила основание Первого копытами и резким рывком выдрала из себя все его отростки разом, маскируя крик боли рыком ярости. Я мог видеть у нее на коже десятки пятен от присосок.

А затем она обернулась к нам. Чеканя тяжелые, угрожающие звуки она сделала шаг вперед. Я хотел бежать. Мы все хотел бежать. Но дикий, неестественный ужас, напускаемый ею, парализовал нас. Мы мог только беспомощно наблюдать за ее приближением.

И тут она запнулась. Излучаемые ею сила и уверенность на мгновение дали сбой. Подмешалась нотка недоумения. Попытавшись сделать еще шаг, она покачнулась и схватилась за голову, зажмурившись. По комнате поплыл резкий запах.

Весьма знакомый мне запах.

Сомнений не оставалось. Я облегченно расслабился. Мощный универсальный афродизиак, содержащийся в нашей смазке, начинал действовать. Учитывая что мы буквально пропитали ее и снаружи, и изнутри, эффект обещал быть очень сильным.

И действительно. В наступившей тишине я отчетливо услышал звук упавшей капли. За ним еще одной. Присмотревшись, я увидел как вязкие прозрачные капли одна за другой падают у нее из-под хвоста в лужу на полу. Еще больше соков стекало у нее по задним ногам, рисуя темные дорожки по шерсти. Ее взгляд затуманился, а язык слегка вывалился изо рта.

Сейчас она ощущала себя, словно в разгар собственного цикла, а то и сильнее. Испускаемые ею эмоции снова радикально изменились. Ощущаемое мною как жаркие, частые, пульсирующие волны, ее вожеление затмевало собой все ее существо. Ни следа прочих чувств и мыслей.

Сейчас она была низведена до уровня инстинктов. Повинуясь им, она на нетвердых ногах приблизилась ко мне вплотную и развернулась. Упав передней половиной тела на пол, она выпятила заднюю так сильно вверх, как только могла, раздвинув ноги в стороны. Ее хвост был поднят вертикально вверх, и резко, отрывисто подергивался из стороны в сторону, почти задевая меня. На меня уставилось широко раскрытое отверстие влагища, окруженное опухшими, покрасневшими губками. Оно часто и непрерывно пульсировало, в такт ее ускоренному сердцебиению. Ее соки лились непрерывным ручейком, заливая болезненно набухший клитор. Постояв так секунду, она начала в нетерпении покусывать и переступать задними ногами, напрягая ягодицы в попытках успокоить невыносимый зуд. Довершающим штрихом были расширенные, голодные глаза, смотревшие на нас через плечо с безмолвной мольбой.

Первым не выдержал Пятый. Рванувшись вперед так, что покачнулось все наше тело, он бросился ей в промежность. В спешке он никак не мог попасть, тыкаясь в нежную кожу, каждый раз разбрызгивая смазку и вызывая у нее стон досады. Каждый раз она начинала перебирать ногами быстрее, раскачиваясь и только усложняя задачу Пятому. Прежде чем я сообразил помочь, одна из его слепых попыток наконец увенчалась успехом. Относительным. Умудрившись попасть в тугое колечко сразу под хвостом, он сходу проник на половину своей длины и иступленно задвигался взад-вперед.

Она, в свою очередь, не возражала, и начала неритмично дергать тазом, стараясь насадиться поглубже и часто-часто дыша.

Прежде, чем меня определил кто-либо еще, я сам бросился вперед и безошибочно всадил окончание в глубину жаждущего отверстия. Внутри было в разы жарче, чем в прошлый раз, и еще теснее – Пятый раздулся до предела, оставляя мне меньше места. Впрочем, я и не собирался вести себя как он. Вместо этого, немного уменьшившись в

размерах, я отрастил сотни коротких, гибких, плоских и шершавых отростков. Одновременно задвигав ими, я был вознагражден еще одной судорогой удовольствия. Я уловил обрывки ее чувств. Она ощущала, как ее изнутри вразнобой вылизывает бесчисленное количество влажных язычков.

В этот момент она испытала оргазм в первый раз, долгий и сильный. Содрогаясь и извиваясь, она рухнула на пол, крича от нахлынувших впечатлений. Но мы только начинал.

Вместе с Пятым мы подняли ее таз от земли, держа на весу. Пятым ни на мгновение не останавливался, часто и сильно тараня ее кишки. Ее влагалище все еще сокращалась в оргазме, а я уже вернулся к «вылизыванию».

На мгновение переключив внимание, я осмотрел происходящее со стороны.

Пятым, помимо основной задачи, нашел себе развлечение – отрастив единственный длинный щуп, он ухватил ее хвост за самый кончик. Хвост все так же без усталости дергался из стороны в сторону, словно живя своей жизнью и пытаясь вырваться.

Третий разделился, как ранее Первый, и присосался к промежности целиком, сосредотачиваясь на губках и клиторе. Я заметил как временами он заменял присоски на угловатые острые выступы, прищипывая и прикусывая розовый бугорок. Мощными вибрациями он заставлял дрожать все ее тело. Непрерывно выделяемые ею соки он жадно всасывал.

Второй закрепился на набухших, отвердевших сосках. То ли сказались ненормальные количества афродизиака, то ли это была уникальная реакция ее организма, но я заметил, что она начала вырабатывать молоко. Облепив ее соски своими присосками, Второй активно массировал податливую кожу вокруг, стимулируя дальнейший приток.

Шестой, как обычно, поступил страннее всех – разделившись на несколько относительно толстых окончаний, он сосредоточился на ее верхней части. Двумя окончаниями он нежно водил по внутренним сторонам ее ушек, обильно смачивая их смазкой. Другими двумя – по шее и плечам. Еще одним он неторопливо блуждал по ее лицу, оставляя на шерстке влажный след. Остальные он запустил ей в гриву, натягивая ее, и копошась и извиваясь в ней.

К тому моменту она прекратила любую активность. Большая часть нервных окончаний ее тела затапливала ее мозг самым сильным физическим наслаждением ее жизни. Совершенно обмякнув в нашем захвате, она издавала протяжный, низкий стон на одной ноте, прерываясь только набрать воздуха. Хвост больше не дергался. Ее глаза закатились и смотрели куда-то в недоступные высоты. Челюсть свободно висела, и с выпавшего языка слюна стекала в очередную лужицу. Она была в сознании, но для мыслительного

процесса сил организма не оставалось. Вместо этого, она испытывала один мощный оргазм за другим, напрягая в спазме мышцы таза и отверстий. Я пробовал считать ее разрядки, но сбился после десятой, тем более что было сложно отличить, где заканчивалась одна и начиналась следующая.

Некоторое время мы провели так, на пике обоюдного наслаждения.

А затем очнулся Первый.

Последнее, что он помнил – его весьма грубо прервали в самом разгаре наслаждения.

Теперь он был в ярости.

Повинуясь его приказным импульсам, мы остановились. Пятый и я вышли из нее, оставив истекающие смазкой разверстые отверстия. Мышцы слабо сокращались, не в силах стянуться.

Остальные отцепились и отпрянули от нее. Она горестно застонала, не понимая, куда пропало наслаждение и не в силах выносить пустоту внутри себя. Пару раз она слабо дернула повисшим хвостом.

Вернув себе первоначальные формы, мы обхватили ее за конечности и пояс, приподняв над землей. Нам потребуется удерживать ее очень крепко.

Мы развернули ее задом к раздувающемуся Первому. Тот уже был толще любого из нас, и был способен увеличиться еще.

Он медленно приблизился к ней, слегка подрагивая. Жирная смазка, покрывавшая его толстым слоем, капала на пол. Сейчас он был толщиной почти с ее ногу.

Почувствовав движение воздуха возле своей горячей щели, она просто подняла хвост, не найдя сил обернуться.

Первый только того и ждал. Без всякой жалости он ворвался в нее, словно таран, моментально растянув ее сверх всякой меры. Я увидел стекающую струйку крови, и вздутие у нее на животе. Она отчаянно закричала.

Не мешкая, Первый начал быстро и жестоко двигаться, каждый раз толкая вперед все ее тело. Боль придала ей новые силы. Она снова вырывалась и визжала, слезы слетали с глаз при каждом рывке вперед.

Но это продолжалось недолго. Я почувствовал, как ее перекачанный наркотиком организм начинает получать удовольствие от боли. Очень скоро я почувствовал, что ей надо

больше.

Крики сменились стонами. Потянувшись, она схватила Шестого и направила его себе в рот. Я ощущал ее влажный язык, танцующий вокруг его окончания. Он неуверенно задвигался.

С нами снова что-то происходило. Как раньше она излучала непреодолимый ужас, сейчас она излучала свое вожеление. Оно прокатывалось по нам тяжелыми волнами, смывая остатки здравого смысла.

Нас охватила ее ненасытная, животная страсть. Она словно взяла контроль над нами, подсознательно передавая свои желания.

Все смешалось. Я уже не мог различить, где я, а где остальные. Я знал только, что Первый все так же бешено долбил ее влажные глубины, выбивая фонтан смазки каждым движением. Трое из нас переплелись в экстазе и лихорадочно двигались в ее второй дырочке, чередуясь с Первым. Оставшиеся двое насиловали ей лицо, растягивая рот и по очереди проникая в горло.

Дальше – больше. Выделяемый нами все это время наркотик сводил ее с ума, а она – нас.

Четверо в задней части теперь двигались синхронно, растягивая ее до невозможных размеров. Один вытянулся в глубину, погрузившись в кишку на метры. Тот, что спереди, точно также углубился в пищевод. Вместе они держали ее словно на вертеле. Казалось, еще немного и они сойдутся где-то посередине.

Все мы крутились, извивались и вибрировали, хаотично отрачивая сотни присосок и выступов разных форм и размеров. Одно движение - присосавшееся окончание мягко тянет, словно пытаюсь выкрутить и забрать с собой нежную плоть. Следующее - присоски заменяются бесчисленными острыми выступами, нанося сотни микроскопических ранок. Следующее - снова языки, облегающие каждый миллиметр...

Все вырастили по несколько полноценных окончаний, исступленно спариваясь с каждым сантиметром ее тела. Несколько отростков поочередно долбились в ее клитор, за каждое движение успевая присосаться, ущипнуть или дернуть. Сама она непрерывно извивалась, дергалась и судорожно размахивала ногами. В моменты, когда окончание в ее горле освобождало ей голосовые связки, она кричала и визжала, а в остальное время стонала, посылая свои собственные вибрации.

Вся ее шерсть была насквозь промокшей от собственного пота и наших выделений. Мокрая грива свисала вниз, подметая пол. Если бы не свойства нашей смазки, впитываемой ею литрами, она давно была бы обезвожена от бесчисленного количества оргазмов.

А потом мы поняли, что больше не можем. Сумасшествие достигло апогея. Нервные окончания всех нас словно закоротило, посылая один бесконечный сигнал высшего наслаждения.

Задвигавшись еще быстрее, мы все начали извергать семя. Колоссальные количества вязкой белой жидкости выстреливали из каждого отростка. Когда она почувствовала горячие струи, под напором бьющие ее по телу, по лицу и по внутренностям, почувствовала, как ее самые дальние глубины доверху заполняются семенем, она испытала последний, всепоглощающий оргазм. Ее организм задействовал последние силы, чтобы сжать нас ее раскаленной плотью словно тисками, выдавливая все, что мы могли дать. Время потеряло значение. Мы провели вместе вечность. Наконец, она не выдержала, и закатив глаза, потеряла сознание.

Мы отключился.

Эпилог.

Прошла неделя. Час назад она вернулась домой, и сейчас лежала на нас. Удобно откинувшись на мягком, теплом, податливом желеобразном теле, словно в гамаке, она расслабленно читала книгу. Одним копытом она ласково поглаживала и почесывала Пятого. Я немного завидовал, несмотря на то что я чувствовал то же, что и он, да и моя очередь была следующей.

Наше тело ходило волнами под ней, массируя спину и плечи. Ниже пояса она была полностью погружена в нас, и упругий гель заполнял обе ее дырочки, лениво перекачиваясь и массируя ее изнутри.

Когда подошла моя очередь, я лег ей под копыто, а сам отрастил два тоненьких длинных щупа у основания. Отправив их сквозь наше тело, я на ощупь нашел ее клитор и мягко обернулся вокруг него одним из щупов. Другим я проник в отверстие сразу под ним и нащупал особое уплотнение на верхней стенке. Дождавшись, когда она отвлечется перевернуть страницу, я приложил усилие обеими щупами, одновременно посылая через них слабый разряд статики.

С тихим полустоном-полувздохом она кончила второй раз за сегодня. Брызнувшее облачко выделений было моментально нами впитано, а сокращения ее мягких стенок еще некоторое время посылали волны колебаний по всему нашему телу. Расслабившись и счастливо вздохнув, она подала сигнал продолжать массаж. Я был только рад сделать ей приятно, присоединив свои щупы к старанием тела. Мою инициативу подхватили другие, и вскоре, помимо бугрящегося геля, ее тело массировали десятки тоненьких усиков, время от времени наносящие легкий удар током по ее чувствительным точкам. В благодарность она поцеловала меня, на мгновение обхватив губками мой кончик.

Признаться честно, неделю назад я не мог знать, что все закончится именно так.

Очнувшись с ясным сознанием и осознав что цикл закончился, я обнаружил что она очнулась несколько раньше. Слабо копошась в беловатой луже наших выделений, она тяжело вытягивала из себя тех из нас, кто еще спал. Каждое из ее отверстий сочилось той же жидкостью. Обе ее задние дырочки представляли собой зияющие дыры с неровными краями. По крайней мере, все ниже пояса у нее онемело настолько, что никакой боли она не чувствовала.

Сил злиться на нас у нее откровенно не было. Вытащив нас, она упала обратно на пол и уставилась в потолок. Ее воспоминания были в некотором хаосе, но в общих чертах она помнила все детали.

Чувствуя некоторую вину, особенно за последний эпизод, (хотя я до сих пор задавался вопросом, кто же кого в итоге насильствовал) я подполз поближе и постарался выразить сожаление мягким поглаживанием. Она перевела на меня взгляд и тяжело вздохнула. Я чувствовал, что она совершенно не может разобраться в своем отношении ко мне.

Следующий час я помогал ей, как мог. Скользя телом и окончаниями по полу, стенам, потолку, мебели, я вбирал в себя жидкости и грязь, оставляя за собой чистоту и порядок. Быстро с этим покончив, я уделил внимание ей. Нежно проводя отростками по ее телу, я исправлял содеянное. Я мыл и чистил ее. Я высушивал и расчесывал ей волосы. Я массировал ей затекшие и истощенные мышцы. Я выделял понемногу регенеративного геля и нежно втирал его в поврежденные места. Я чувствовал, как ее отношение ко мне укрепляется на положительном.

С тех пор мы жили вместе. Пока ее не было, я помогал ей по дому. Когда она возвращалась, она кормила и ласкала меня. Я, в свою очередь, помогал ей сбросить напряжение тяжелого дня. Мы смогли выработать систему нехитрых сигналов, обозначающих наши желания, но большую часть времени мы понимали друг друга без лишних сигналов. Ночью она спала, погрузившись в меня полностью, а я напивал ее тело силой и здоровьем.

Она родила в положенный срок, через две недели. Три гладких, черных, скользких яйца по очереди покинули ее лоно, снова болезненно растянув его, хоть и не так сильно. Еще через неделю созревания в моем теле, они вылупились. Передав им свои знания серией импульсов, я отнес их в тот же лес, где родился я. Она сопровождала меня, провожая наших детей.

Затем мы вернулись домой. До моего следующего цикла оставалось два месяца.

До ее – два дня.

